

М.А. Маслин

МНОГООБРАЗИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: mmaslin@yandex.ru

В статье представлена концепция многообразия русской философии. Философское многообразие, разноликость русской мысли разных эпох предполагает наличие разных герменевтических процедур для ее целостного понимания. Эта особенность является формой выражения суверенитета русской мысли, поскольку данный подход несовместим с авторитарным навязыванием единственной объяснительной модели на основе марксизма, утвердившегося в советский период. Он нацеливает социальное призвание философии на осмысление духовных основ общества. Всякая философия имеет социальное и национальное лицо, и в этом качестве русская философия является выражением «русского мировоззрения» (С.Л. Франк). Отрицание национального своеобразия философии в XXI в. выглядит оправданием расизма. В то же время русская философия, как и всякая национальная разновидность философии, устремлена к решению универсальных, всеобщих проблем осмысления человеческого существования, общества, истории. В этом состоит «вечное в русской философии» (Б.П. Вышеславцев). Не существует никакой особой русской философии, которая была бы несовместима с другими национальными философскими традициями. Иной подход был бы оправданием философского национализма, тогда как создатели основных фундаментальных концепций русской философии защищали позиции философского универсализма. Среди них В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, С.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев.

Ключевые слова: русская философия, русское мировоззрение, философский универсализм, многообразие русской философии, марксизм

Для цитирования: Маслин М.А. Многообразие русской философии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 24–33.

Панельная дискуссия «Философского журнала» на тему «Как мы понимаем русскую философию?» нацелена на ее современное понимание («понимаем сегодня» и понимаем «мы», носители идей русской философии, а не сторонние наблюдатели). Современность здесь видится именно в аутентичном значении этого слова: русская философия не ограничена в своем существовании

какими-то «верхними» или «последними» историческими рамками, ибо продолжает существовать сегодня. Ее истолкование также является частью русской философии. Здесь уместно напомнить о существовании в обсуждаемом контексте концепта «мы-философия», которое использовал С.Л. Франк, связывая его с раскрытием фундаментального свойства философского знания. Философия наличествует отнюдь не только для субъективного «технематического самовыражения». Последнее подразумевает существование отдельного вида философии и философствования, одного из трех, согласно типологии Г.Г. Майорова. Он выделил понимание философии как «философии» (с ударением на предпоследнее «и»), как «эпистемы» и как «технемы» (техники мышления или игры ума)¹. Однако философия не сводится к самоцельной игре моего ума (для «шевеления мозгов», по словам персонажа пьесы А.Н. Островского). Существование философии предполагает и «ты» – вместе это «мы», ибо всякая философия социальна, предназначена для осмысления духовных основ общества и вдохновляющей его «моральной силы нации»². Иначе говоря, всякая философия имеет национальное лицо, что же касается русской философии как «выразительницы национального духа», то в этом качестве, по Франку, она определяется как «русское мировоззрение». У Франка далее следует пояснение, что мировоззрение не должно истолковываться в духе философского национализма, в качестве «национального учения или национальной системы». Что же касается краткого определения национального своеобразия русской философии, то лучшим из имеющихся можно считать формулу Б.П. Вышеславцева в самом начале его книги «Вечное в русской философии». Приведем ее полностью: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом. В этом смысле существует русский Платон, русский Декарт, русский Паскаль и, конечно, русский Кант. Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным мировым проблемам и различным традициям мысли у различных наций»³.

Но если вся русская философия обращена лицом к мировой философии и все ее основные проблемы являются также проблемами мировой философии, в чем, по определению Б.П. Вышеславцева, и состоит ее «вечное» содержание, то ее понимание как таковой не может быть истолковано исключительно через обращение к российской этнокультурной реальности, поскольку потребуется также вписать ее в более широкий общеевропейский контекст. Русская философия, имеющая своим истоком восточно-христианский культурно-философский ареал, восходит, так же как и философия западная, к античному Логосу, подготовившему почву для христианского Логоса. Это воплощалось на Востоке и на Западе в двух различных вариантах

¹ Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004.

² Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М., 1992.

³ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 154.

понимания философии: философия как София (Платон) и философия как эпистема (Аристотель). С.Н. Трубецкой в работе «Учение о Логосе в его истории», защищенной в качестве докторской диссертации, дал конкретное историко-философское исследование связи античной философской традиции (и шире – общекультурной, духовной традиции) с христианством – обоснование перехода античного «Логоса» в христианский «Логос» (тема, впервые в русской философии намеченная И.В. Киреевским).

С.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев и С.Л. Франк, будучи знатоками отечественной философской мысли, были в то же время последовательными сторонниками ее универсализма, трактуемого как устремленность философии ко всеобщим проблемам бытия и познания с одновременным акцентированием внимания на национально-своеобразном способе их решения. К названным выше сторонникам этой принципиальной позиции в лице С.Л. Франка и Б.П. Вышеславцева можно добавить В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева. Все названные мыслители также универсалисты, но они по-разному заявляли собственные философские интересы и, соответственно, по-разному толковали герменевтические подходы к своеобразию русской философии как таковой. Иной взгляд на философию, отрицающий ее устремленность к решению существеннейших вопросов социального и национального бытия и признающий ее результатом лишь умственных упражнений чистого познающего субъекта, выглядел и в XIX в. как продукт мышления «самозванцев без философского паспорта» (выражение Вл. Соловьева), а в XXI в. он смотрится как откровенный расизм, отрицающий многообразие национальных философских культур.

Ответ на вопрос «Что русского в русской философии?» исключает поиск чего-то «неповторимо русского», того, что не встречается в инонациональных философских построениях. Напротив, многие термины, используемые русской философией, полностью соответствуют существующим в европейских языках. Например, слово «мировоззрение» совпадает по своему значению с английским «world view» и немецким «Weltanschauung», также как английское «being» является точным аналогом русского слова «бытие». Есть слова и непередаваемые, например, «sobornost», оно просто передается в европейских языках в латинской транскрипции. Разумеется, не все определения, выражающие своеобразие русской философии, могут быть переведены без утраты той подлинности, которая приобретена в родной языковой среде. Например, укоренившийся в европейских языках перевод розановского «Уединенного» как «Solitaria» не может выразить суть главного литературно-философского шедевра Розанова, ведь его содержание отражает не просто одиночество (это и есть по латыни solitaria), а именно, «написанное в одиночестве». У Розанова это означает также написанное «почти на правах рукописи» с указанием места, определенного занятия и даже настроения автора во время написания конкретного высказывания. Трудность перевода здесь налицо (примеры могут быть умножены).

Речь должна идти не о конструировании, в том числе при помощи перевода на иностранные языки, чего-то «небывало русского», но о понимании «характерно русского», того, что коренится в оригинальном культурно-цивилизационном пути развития русской философской мысли, подтверждаемом конкретными источниками. Такой характерно русской чертой русской философии является ее *многообразие* – языковое, жанровое, стилевое,

концептуальное, определяемое конкретными особенностями ее бытования на разных этапах развития. Прекрасный пример такого понимания представлен в обширной статье «Русская философия» профессора Пармского университета (Италия) Анжелы Диолетты Сиклари⁴. Убедленным сторонником концепции многообразия русской философии был также всемирно известный историк русской мысли Анджей Валицкий, представлявший ее в качестве разномастного и многокрасочного единого потока идей (flow of ideas), включавшего в себя разнообразные по длительности существования и степени влиятельности составные элементы⁵.

Бросается в глаза характерно русский огромный исторический разрыв, отделяющий существование русской философской (поначалу философско-богословской) мысли, восходящей к созданному в первой половине XI в. «Слову о законе и благодати» первого русского митрополита Илариона, от первого ее описания в книге «Русская философия» (1840), принадлежавшей перу ученого монаха архимандрита Гавриила (в миру В.Н. Воскресенского). Эта драматическая временная дистанция подтверждает известную мысль о том, что русская философия, как и русская культура в целом, состоит во многом из потерь и последующих возвращений утраченного. Указанный временной разрыв породил особое многообразие околонуточных и псевдонаучных мнений о начале развития русской философии, обусловленных различными мотивациями – методологическими, идеологическими, ценностными и др. Достоверное объяснение причин данного разрыва состоялось совсем недавно и явилось результатом интенсивных, в том числе архивных разысканий В.В. Ванчугова⁶.

Другим характерным примером многообразия русской философии является многоэтничность носителей русского философского сознания, а также многоязычие текстов русской философии. Она создавалась не только на русском, но и на церковнославянском (XI–XVII вв.), латинском (XVII–XVIII вв.), а также на французском, английском, немецком (XIX–XX вв.), славянских языках. Кроме того, нельзя сказать, что в России существует только русская философия, словосочетания «русская философия» и «российская философия» в русском языке не тождественны. В языках народов России – татарском, башкирском, чеченском, якутском, бурятском и др. существуют собственные традиции выражения национального духовного своеобразия, как письменные, так и бесписьменные. Русская философия формировалась не только на территории России, но и вне ее. Немало русских мыслителей в силу разных причин, главным образом политических, покидали Россию и за рубежом создавали свои труды – А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, П.А. Сорокин, С.Н. Булгаков, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др. Выразителями идей русской философии выступали представители многих народов, связанных с Россией общностью исторических судеб – грек Михаил Триволис (Максим Грек), хорват Юрий Крижанич, украинцы Григорий Сковорода и Феофан Прокопович, молдаванин Антиох Кантемир и др. Ряд мыслителей,

⁴ Siclari A.D. La Filosofia Russa // Noctua. La tradizione filosofica dall'antico al moderno. 2020. No. 7 (2). P. 336–408.

⁵ Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main, 2015.

⁶ Ванчугов В.В. Первый историк русской философии. Архимандрит Гавриил и его время. М., 2015.

родившихся в России, органично вписались в европейскую философию и успешно творили «на перекрестке культур», в тоже время не теряя интереса к русской мысли. Среди них такие известные авторы, как Александр Койре, Александр Кожев, Исая Берлин⁷.

Весьма объективный и непредвзятый взгляд на многообразие русской философии разделял Фредерик Коплстон, автор всемирно известной серии трудов по истории всеобщей философии, 10-й том которой посвящен философии в России⁸. Каждая из трех фигур, вынесенных в подзаголовок его книги, отражает разные присущие русской мысли качества: «моральный идеализм» (Герцен), «внимание к судьбе человека» (Бердяев), «революционный активизм» (Ленин). Создать связное и последовательное описание русской философии невозможно, если руководствоваться западными стандартами, рассматривающими историю философии лишь как историю философских систем. В случае с Россией надо принять «широкий взгляд» и «не слишком заботиться о разделении истории философии, истории идей, истории социальных теорий и религиозной мысли». В России, конечно, были и чисто академические философы, например, неокантианцы, но если ограничиться только воспроизведением идей подобного типа, то картина развития философии распадется на ряд не связанных между собой очерков, представляющих интерес лишь для узких специалистов⁹.

Для построения адекватного понимания русской философии необходим учет всех опытов ее осмысления, в том числе и опытов отрицательных. Попытка построить в советское время на базе марксизма универсальное понимание русской философии оценивается сегодня как несостоятельная. Под несостоятельностью понимается, конечно, не акт институционализации русской философии как таковой. Основание в 1943 г. первой в СССР и в мире кафедры истории русской философии на воссозданном в структуре Московского университета двумя годами ранее философском факультете, несомненно, имело огромное значение¹⁰. Появление такой кафедры было актом научного патриотизма, но не только. Ее учреждение по времени точно совпадает с крупной исторической датой: 15 мая 1943 г. ИККИ (Исполком Коминтерна) принял решение о роспуске этой организации. Это существенно меняло тактику коммунистического движения, прежде всего за счет использования в борьбе против фашизма национальных культурных традиций. Отсюда понятно, что появление кафедры было не столько научно-образовательным, сколько политико-идеологическим решением, осуществлявшимся под патронажем ВКП(б).

Утвердившийся в качестве одной-единственной модели для понимания русской философии марксизм показал свою негодность. В течение большей части своей философской жизни Маркс разделял традиционные для европейских интеллектуалов русофобские воззрения. Россия представлялась им не как своеобразная страна-цивилизация, часть Европы, ее христианская

⁷ Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исая Берлин. М., 2021.

⁸ *Copleston F.Ch. Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev.* Notre Dame (Ind.), 1986.

⁹ *Ibid.* P. VIII.

¹⁰ Основные направления работы кафедры, история ее основания, исследования наследия отдельных русских философов и направлений, зарубежные контакты и др. представлены в коллективной монографии «Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом» (М., 2013).

сестра, совместно пережившая с ней эпоху Просвещения, но как неспособное к социальным изменениям полуазиатское общество, принципиально не отличающееся от восточных деспотий типа Китая, Турции, Персии, Индии. Вплоть до начала 1870-х гг. Маркс считал, что Россия обречена на стагнацию ввиду ее «непохожести», антиреволюционности и отсталости от передовых капиталистических стран. Поэтому Российская империя вызывала в глазах Маркса-революционера и русофоба лишь презрение. Другую Россию в лице ряда революционеров и социальных мыслителей Маркс открыл для себя лишь после выхода в свет перевода I тома «Капитала» на русский язык в 1872 г., однако это открытие не стало основой для постижения многообразия русской философии в контексте сколько-нибудь полного объема отечественной культуры.

Ультрарационализм и атеизм советского марксизма вкупе с марксистско-ленинской партийностью резко сузили охват многообразия русской философии. Пострадали даже «социально близкие» ее течения, такие как народничество. В течение длительного времени изучение народничества, имевшее богатые традиции до революции и в первые советские годы, было фактически запрещено и, к сожалению, так и не восстановилось после понесенных потерь. Русская религиозная философия была полностью исключена из сферы научного и общественного внимания, ее идеи начали «оживать» лишь в самом конце советского времени после опубликования С.Г. Семеновой «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова в 1982 г., встреченной инициированной «сверху» абсолютно некомпетентной статьей члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского в «Вопросах философии»¹¹. Но самое тяжелое искажение облика русской философии в советское время было связано с созданием искусственной концепции «солидной материалистической традиции» в России. Ее основу заложила «нормативная» публикация академика Б.М. Кедрова – члена партии с 15-летнего возраста, сына одного из основателей ВЧК М.С. Кедрова¹². В оценках Ломоносоведа Б.М. Кедрова «передовое естествознание» не должно было иметь ничего общего с религией, поэтому им был создан миф о материализме и атеизме М.В. Ломоносова. Тогда как В.И. Вернадский и С.И. Вавилов, напротив, утверждали о наличии в трудах Ломоносова того, что определенно можно назвать признанием «когнитивного содержания» религии. Это признание нисколько не противоречило тому, что Ломоносов в своих трудах был ярким выразителем рационалистического пафоса, который был столь характерен для мировоззрения Нового времени, новоевропейской науки и философии. Ломоносова, так же как Лейбница и Декарта, интересовал «философский», а не «богословский» Бог, именно это соответствовало действительно «передовому естествознанию» его времени, а не выдуманный Кедровым атеизм.

К сожалению, в настоящее время мировоззренческое содержание творчества выдающихся ученых-естествоиспытателей остается зачастую вне поля зрения историков русской мысли, что, конечно, существенно суживает многообразие русской философии. Недооценка философского наследия русских

¹¹ *Микулинский С.Р.* Так ли надо относиться к наследству? (По поводу выхода книги: Н.Ф. Федоров. Сочинения. М., 1982) // Вопросы философии. 1982. № 12. С. 151–157.

¹² *Кедров Б.М.* М.В. Ломоносов – основоположник материалистической философии и передового естествознания в России // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. 1. М., 1955. С. 119–171.

ученых, составляющего огромный массив русской мысли, имеет место на фоне усиленного внимания к трудам религиозных философов. Эту неизбежную в будущем смену приоритетов в сторону идеализма и религии успел предвидеть еще В.В. Зеньковский, считавший, что чем резче происходят разрывы с прошлым, тем активнее будет в будущем восстановление утраченного. Отчасти отмеченная недооценка объясняется тем, что наследие русских ученых воспринимается «по инерции» в отрицательно-ценностном смысле, в контексте догматизированной ленинской формулировки о «солидной материалистической традиции в России» или в качестве запоздалой реакции на гонения советской философии против генетики и кибернетики. Кстати сказать, в работе В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» ничего не говорилось о принадлежности Ломоносова к этой традиции. Ленин в качестве русских материалистов назвал лишь двух – Г.В. Плеханова и Н.Г. Чернышевского. Однако отнесение М.В. Ломоносова к материалистам было «домыслено», затем многократно растиражировано и стало нормой советской историко-философской науки. Технология причисления скопом всех русских ученых к материалистам являлась для советской философии тем идеологическим политкорректным ритуалом, который ленинградские авторы А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров назвали в свое время «анкетно-цитатным методом».

Если многообразие русской философии не может быть доказано на ограниченном эмпирическом материале, то равным образом оно не может быть выстроено путем дедукции категорий или приемов какой-то единственной философской системы, поскольку философское многообразие требует разнообразных герменевтических процедур для его постижения. Ведь для адекватного понимания упомянутого многообразия необходим обширный мировоззренческий кругозор, квалификации лингвистов, религиоведов, медиевистов и византологов, а также историков и литературоведов. Против монополизма какой-либо одной философской системы в деле понимания философских идей прошлого выступал классик русской историко-философской науки С.Н. Трубецкой, возражая главным образом против гегелевского понимания истории философии, господствовавшего в конце XIX – начале XX в. Философию надо понимать «в связи с общей культурой», иначе говоря, историк философии имеет дело не только с абстрактными категориями, но и с конкретным бытием философского знания в контексте и в ткани духовной культуры. Кроме того, история философии должна быть «живой», т.е. историей конкретного живого поиска истины, с учетом индивидуального своеобразия философских учений, несущих на себе печать личности их создателей¹⁵. Позиция Трубецкого объясняет, почему в состав русской философии должны быть включены не только философские системы специализированной, профессиональной философии, развивавшейся в университетах и духовных академиях, но и сочинения русских мудрецов и учителей жизни – вольных философов, литераторов и публицистов.

Первостепенное значение для «живой истории философии» имеет знакомство с тем культурным контекстом, который породил философские учения. Применительно к русской философии это означает, что она является историко-философским россиеведением, особым видом познания России. Она производна от исторически сложившегося культурного контекста, ибо

¹⁵ Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М., 1997.

«озвучивает» культурно-историческую реальность, заставляет ее говорить, делает ее «живой», ведь реальность «молчит», сама говорить она не может. И таким образом русская философия находится по отношению к этой реальности в состоянии обусловленности, она соединена с ней многочисленными нитями связи.

Приближение к внутреннему своеобразию того способа философствования, которое представляет русская философия, неизбежно приводит к мысли о том, что она является, по словам С.Н. Булгакова, «реально существующим духовным организмом». Как историческая реальность этот организм представляет совокупность разных философских эпох, которая всегда будет богаче наших представлений об этом духовном организме. Отсюда понятно, что многообразие русской философии является ее первичной сущностной характеристикой, ибо ни одна из ее исторических эпох и ни один отдельный мыслитель не могут претендовать на полноту выражения всей русской философской мысли. Будь это Век Просвещения, который Россия впервые синхронно переживала вместе с Европой, «философское пробуждение» первой половины XIX столетия, или же эпоха религиозно-философского ренессанса начала XX в. Принадлежность к этому духовному организму, по Булгакову, «совершенно не зависит от нашего сознания, она существует и до него, и помимо него, и даже вопреки ему». Этот многообразный идейный корпус всегда будет богаче наших представлений, поэтому задача состоит в том, чтобы лишь приблизиться к нему («приблизиться», а не каталогизировать все его подробности).

Список литературы

- Ванчугов В.В. Первый историк русской философии. Архимандрит Гавриил и его время. М.: Мир философии, 2015. 752 с.
- Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. С. 153–324.
- Кедров Б.М. М.В. Ломоносов – основоположник материалистической философии и передового естествознания в России // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР / Под ред. Г.С. Васецкого и др. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1955. С. 119–171.
- Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М.: Едиториал УРСС, 2004. 414 с.
- Микулинский С.Р. Так ли надо относиться к наследству? (По поводу выхода книги: Н.Ф. Федоров. Сочинения. М., 1982) // Вопросы философии. 1982. № 12. С. 151–157.
- Перекрестки культур: Александр Койре, Александр Кожев, Исайя Берлин / Под ред. О.Л. Грановской и др. М.: Росспэн, 2021. 566 с.
- Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом / Под общ. ред. В.А. Кувакина и М.А. Маслина. М.: Изд-во МГУ, 2013. 687 с.
- Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М.: Владос: Русский двор, 1997. 575 с.
- Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М.: Республика, 1992. 398 с.
- Copleston F.Ch. Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame, 1986. 445 p.
- Siclari A.D. La Filosofia Russa // Noctua. La tradizione filosofica dall'antico al moderno. 2020. No. 7 (2). P. 336–408.
- Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015. 876 p.

Diversity of Russian philosophy

Michael A. Maslin

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mmaslin@yandex.ru

The article is written on the basis of author's paper at the panel discussion "How we understand Russian philosophy" held in the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. The article presents contemporary look on the problem based on the thesis of diversity as the central fundamental characteristic of the Russian philosophy. The diversity must be acknowledged as the expression of its sovereignty opposed to the sole normative approach. Such kind of approach based on dogmatic Marxism had been spread during Soviet period by authoritarian measures. The conception of diversity instead of Marxist oriented unification proposes variety of cognitive and hermeneutic means for knowing the treasury of Russian intellectual history. Another aspect of diversity includes multiplicity of languages used in philosophical texts besides proper Russian during the various periods. There are: Church Slavonic, Greek, Latin (XI–XVII centuries), French, English, German (XVIII–XX centuries) and various Slavic languages (XIX–XX centuries). Multiplicity of languages in Russian philosophical space could be explained mostly by political and censorial reasons. That multiplicity incorporates also high assortment of ethnic groups that took part in the elaboration of various philosophical texts. It included Greeks, Ukrainians, Moldavians, Serbs etc. Many Russian thinkers had been exiled abroad or ought to leave home country to avoid political repressions: A.I. Herzen, M.A. Bakunin, P.A. Kropotkin, N.A. Berdyaev, S.L. Frank, S.L. Karsavin, S.N. Bulgakov and others. Therefore they created their writings in abroad. Needless to mark also that some Russian thinkers born in Russia, such as A. Koyre, A. Kozhev, I. Berlin, P. Sorokin, became famous Western philosophers in emigration.

Keywords: Russian philosophy, Russian worldview, philosophical universalism, diversity of Russian philosophy, Marxism

For citation: Maslin, M.A. "Mnogoobrazie russkoi filosofii" [Diversity of Russian philosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 24–33. (In Russian)

References

- Copleston, F.Ch. *Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyaev*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame, 1986. 445 pp.
- Frank, S.L. *Dukhovnie osnovi obschestva. Vvedeniye v sotsialnuju filosofiju* [Spiritual foundations of Society. Introduction to Social Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 398 pp. (In Russian)
- Granovskaya, O.L. et al. (eds.) *Perekrestki kul'tur: Alexandre Koyre, Alexander Kojeve, Isaja Berlin* [Crossroads of cultures: Alexandre Koyre, Alexander Kojeve, Isaja Berlin]. Moscow: Rosspen Publ., 2021. 566 pp. (In Russian)
- Kedrov, B.M. "M.V. Lomonosov – osnovopolozhnik materialisticheskoy filosofii i peredovogo estestvoznaniya v Rossii [M.V. Lomonosov – the Founder of Materialist Philosophy and Progressive Natural Sciences in Russia], *Ocherki po istorii filosofskoy i obszhestvenno-politicheskoy mysli narodov SSSR* [Essays on the History of Philosophical and Social-political Thought of the USSR Peoples], Vol. I, ed. by G.S. Vasetskii et al. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955, pp. 119–171. (In Russian)
- Kuvakin, V.A. & Maslin, M.A. (eds.) *Russkaja filosofskaja mysl: na Rusi, v Rossii i za rubezhom* [Russian Philosophical Thought: in Rus', Russia and Abroad]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2013. 687 pp. (In Russian)

- Mayorov, G.G. *Filosofija kak iskanije Absoluta. Opity teoreticheskiye i istoricheskiye* [Philosophy as the Search of Absolute. Theoretical and Historical Essays]. Moscow: URSS Publ., 2004. 414 pp. (In Russian)
- Mikulinskii, S.R. "Tak li nado odnosit'sja k nasledstvu? (Po povodu vikhoda knigi: N.F. Fedorov. Sochinenija)" [Would it be the Right Attitude to the Heritage? (On the Printing the Book: N.F. Fedorov. Works. Moscow, 1982)], *Voprosy Filosofii*, 1982, No. 12, pp. 151–157. (In Russian)
- Siclari, A.D. "La Filosofia Russa", *Noctua. La tradizione filosofica dall'antico al moderno*, 2020, No. 7 (2), pp. 336–408.
- Trubetskoy, S.N. *Kurs istorii drevnei filosofii* [Handbook on the History of Ancient Philosophy]. Moscow: Vlados Publ., 1997. 575 pp. (In Russian)
- Vanchugov, V.V. *Pervij istorik russkoj filosofii. Archimandrite Gavriil i ego vremja* [The First Historian of Russian Philosophy. Archimandrite Gavriil and His Epoch]. Moscow: World of Philosophy Publ., 2015. 752 pp. (In Russian)
- Visheslavitsev, B.P. "Vечноje v russkoj filosofii" [Eternal in Russian Philosophy], in: B.P. Visheslavitsev, *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of Transformed Eros]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 153–324. (In Russian)
- Walicki, A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2015. 876 pp.